This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

9926

Košutić, R.

СЕРБСКІЙ НАРОДЪ

И АННЕКСІЯ

Босніи и Герцеговины.

Публичная лекція

доцента Бѣлградскаго университета

Р. Кошутича.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1908.

Милостивыя Государыни
и Милостивые Государи!

Телеграмма изъ Софіи, которая принесла извѣстіе о провозглашеніи болгарскаго королевства, была бы встрѣчена въ Бѣлградѣ съ самой искренней радостью, еслибы сейчасъ за ней не послѣдовала вторая изъ Пешта: о рѣшеніи Австріи аннектировать Боснію и Герцеговину. Эта послѣдняя подавила чувства, вызванныя первой, и вселила тревогу во все общество. Сразу почувствовалось, что страшная опасность угрожаетъ чему-то самому кровному, самому родному, безъ чего дышать немыслимо; что австрійское кольцо сомкнется, и вотъ-вотъ задушитъ всю жизнь маленькой, свободной страны. Тѣни великаго прошлаго возстали, и передъ глазами каждаго серба пронеслась вся исторія въ нѣсколько мгновеній. Неужели идея объединенія, для которой сербское племя пролило столько крови и перенесло столько жертвъ, неужели эта идея теперь похоронена разъ навсегда? И что же такое будетъ Сербія представлять изъ себя, когда Боснія и Герцеговина отойдутъ отъ нея подъ австрійское иго?

*

Не будетъ ли тогда и существованіе Сербіи только вопросомъ времени?

Вмѣстѣ съ этими тревожными мыслями возрасталъ ропотъ на Болгарію. Политика князя Фердинанда, по отношенію къ Сербіи, была всегда неискренней. Передъ тѣмъ, какъ вернуться въ Болгарію съ послѣдней своей поѣздки, онъ побывалъ въ Буда-Пештѣ, гдѣ австрійскій императоръ встрѣтилъ его съ королевскими почестями. Тамъ, въ центрѣ Венгріи, страны, гдѣ самымъ варварскимъ образомъ преслѣдуется все славянское, былъ составленъ планъ провозглашенія независимой Болгаріи насчетъ окончательнаго порабощенія Босніи и Герцеговины. Надо было, чтобы кто-нибудь нарушилъ Берлинскій трактатъ такъ, чтобы онъ затрещалъ по швамъ, а тогда Австрія воспользуется этимъ и окончательно его расторгнетъ. Этотъ планъ слишкомъ былъ сшитъ на живую нитку; его въ Бѣлградѣ сразу всѣ поняли, и ни одного восклицанія теплаго привѣта не раздалось въ честь новаго славянскаго королевства.

Если этотъ фактъ Сербія встрѣтила молчаніемъ, за то намѣреніе Австріи вызвало взрывъ негодованія. Какъ только была получена первая телеграмма, народъ, точно по данному знаку, сталъ со всѣхъ сторонъ собираться на Театральную площадь около памятника незабвеннаго князя Михаила. «Мысль твоя никогда не забудется», поется о князѣ-мученикѣ въ одной сербской пѣснѣ. А его мыслью было: освобожденіе Босніи и Гер-

цеговины, объединеніе съ Черногоріей и свободный выходъ на Адріатическое море. Для этой цѣли онъ жилъ и трудился, а по смерти оставилъ свою великую мысль въ наслѣдіе своей странѣ. Страна не всегда помнила о ней; въ мелочахъ и дрязгахъ партійной жизни она часто забывала завѣтъ князя Михаила, но всегда, когда гроза надвигается, столица собирается около бронзовой статуи его, указывающей правой рукой на Боснію.

Такъ случилось и теперь. Тысячи народа собрались съ криками: «Долой Австрію!» «Да здравствуетъ Боснія и Герцеговина!» Кто-то сказалъ: «Братья! злодѣйскій мечъ занесенъ надъ головою сербскаго племени! Приведите завтра на это святое мѣсто сестеръ и братьевъ, приведите стариковъ родителей, поговоримъ о великомъ народномъ дѣлѣ».

Толпа разошлась, а на завтрашній день сошлось болѣе 30.000 народу. Посыпались рѣчи съ балкона Національнаго театра. Любомиръ Давидовичъ, одинъ изъ вождей молодыхъ радикаловъ, сказалъ между прочимъ: «Въ Боснію и Герцеговину, въ эти прекрасныя сербскія страны, Австрія внесла оковы вмѣсто свободы, а вмѣсто цивилизаціи—тиранію. Теперь она желаетъ еще больше ихъ поработить. Этимъ актомъ нарушается равновѣсіе между балканскими государствами въ ущербъ сербскому племени, и къ стыду державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ». Любомиръ Іовановичъ, профессоръ университета и предсѣдатель

Скупщины, отозвался слѣдующимъ образомъ: «Мы долго проливали кровь, и просвѣщенная Европа сказала намъ: «Успокойтесь, положите оружіе, потушите огонь, зажженный вами на Балканахъ». И послѣ огромныхъ жертвъ, понесенныхъ нами, мы согласились на это. И вотъ что случилось: Австрія беретъ Боснію и Герцеговину. Если она говоритъ, что осчастливила эти страны, пускай устроитъ тамъ плебисцитъ и спроситъ народъ: желаетъ ли онъ отдаться подъ власть габсбургскихъ монарховъ. Она не посмѣетъ этого сдѣлать, потому что знаетъ, «что боснійцы этого не захотятъ». Самую пламенную рѣчь сказалъ Воиславъ Маринковичъ, депутатъ въ Скупщинѣ: «Мы всѣ чувствуемъ, что теперь не время долгимъ разговорамъ. Это рѣдкіе моменты въ нашей жизни, и намъ слѣдуетъ рѣшиться на борьбу скоро, энергично, смѣло и безъ поворота. Наши сосѣди сдѣлали счетъ безъ насъ. Наша обязанность показать имъ, что этотъ счетъ никуда не годится. Если они случайно забыли, покажемъ имъ, что есть на свѣтѣ королевство Сербія и сербскій народъ. Если у насъ, можетъ быть, недостаточно пушекъ и гранатъ, у насъ много красной, теплой крови нашей, которую мы вѣками проливали. Надо имъ показать, что эту кровь мы будемъ проливать безъ боязни, когда интересы нашей страны и честь нашего имени требуютъ этого. Покажемъ, что мы готовы принять борьбу и съ врагомъ, превосходящимъ наши силы.

Покажемъ, что мы вѣрны традиціямъ нашего славнаго прошлаго. Покажемъ и теперь, что мы, правда, разъ потеряли свою независимость, но потеряли на полѣ сраженія, а никогда не дарили своего государства никому. И если намъ суждено лечь костьми, ляжемъ какъ достойные потомки героевъ съ Косова поля. Пусть Турція не защищаетъ своихъ интересовъ, а великія державы пусть примутъ отъ Австріи эту пощечину, мы обнажимъ свой мечь, сколько бы нашихъ враговъ ни было!»

Энтузіазмъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Съ трехцвѣтными знаменами и съ криками: «долой Австрію!» народъ пошелъ передъ посольства итальянское, французское и англійское.

Воинственныя пѣсни раздавались далеко за полночь, а военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ короля, засѣдалъ всю ночь.

Это было во вторникъ, 23-го сентября, а 24-го рано вышелъ королевскій указъ, призывающій подъ знамена всѣхъ военныхъ первой очереди. И первая армія, въ 180.000 человѣкъ, стала готовиться къ выступленію.

Экзальтированное настроеніе поддерживалось газетами. Во всѣхъ газетахъ мы только и читали: «У рат, у свети рат!» («На войну! На святую войну!»). «Австрію не колотилъ только тотъ, кто съ ней войны не велъ», пишетъ одна газета. «Императоръ Францъ-Іосифъ выигралъ передъ смертью хоть одно сраженіе —онъ взялъ безоруж-

ный народъ Босніи и Герцеговины!» «Въ тотъ день, когда аннексія Босніи и Герцеговины будетъ совершившимся фактомъ»,—пишетъ другая газета,—«Сербія очутится въ отчаянномъ положеніи, изъ котораго можетъ ее вывести только отчаянный шагъ. Инстинктъ самосохраненія продиктуетъ ей самую рѣшительную акцію, и такая акція, хотя бы выходила отъ самаго маленькаго народа, можетъ быть очень опасной для самаго сильнаго врага». «Болгарія получила Восточную Румелію и независимость»,—читаемъ въ другой газетѣ—«Австрія—Боснію и Герцеговину, Грецiя—Критъ. И теперь, когда каждый взялъ лакомый кусокъ, мы поставимъ все на одну карту. Мы будемъ бороться какъ люди, хватающіеся за раскаленное желѣзо. Бомбами мы проторимъ себѣ дорогу къ Сараеву и Мостару. И все это сдѣлаемъ мы, которые вѣримъ въ свои руки. И если теперешнее правительство не пойдетъ съ нами, пускай постыдно уходитъ и передастъ бразды правленія въ руки тѣхъ сильныхъ и храбрыхъ, рожденныхъ для того, чтобы повести насъ въ борьбу и посмотрѣть смерти въ глаза».

Кто же въ сущности поведетъ народъ?

Кто же другой, какъ не король Петръ! Когда-то, будучи еще претендентомъ на сербскій престолъ, во время герцеговинскаго возстанія, онъ боролся для свободы Босніи и Герцеговины; тамъ его всѣ любятъ, тамъ его называютъ своимъ рыцаремъ, тамъ вѣрятъ въ него. И одна газета

посвящаетъ ему цѣлую статью, и заканчиваетъ ее словами: «Ты король Сербіи, ты главнокомандующій всей сербской арміи! Защити Боснію! Обнажи свой рыцарскій мечъ, если онъ дѣйствительно у тебя рыцарскій, и поведи насъ всѣхъ туда, чтобъ за Боснію погибнуть, чтобъ съ ней вмѣстѣ умереть. Вѣрь: лучше, защищая Боснію, потерять корону, чѣмъ, сохраняя корону, потерять Боснію!»

Такъ газеты.

А народъ приходитъ все въ большее и большее волненіе. Въ университетѣ лекціи почти прекратились въ это первое время, молодежь перестала посѣщать гимназіи. Она выбрала себѣ мѣсто на forum serbicum, передъ памятникомъ князя Михаила. Онъ весь въ флагахъ. На одномъ флагѣ, воткнутомъ князю въ правую руку, надпись: «Смерть грабителямъ!», на другомъ—«Отечество въ опасности!» У пьедестала памятника столъ, за которымъ засѣдаетъ одинъ молодой литераторъ. «Братья, кто желаетъ поступить въ добровольцы!»—предлагаетъ онъ. Всѣ вписываются. За нѣсколько часовъ вписалось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Вписываются и старые, и молодые, вписываются сербы изъ королевства и изъ неосвобожденныхъ сербскихъ странъ, вписываются даже иностранцы, проживающіе въ городѣ и привыкшіе считать Сербію своимъ отечествомъ. Происходятъ сцены, доказывающія, какое сильное воодушевленіе охватило всѣ сердца. Точно вижу

одного мальчугана,—онъ усиленно работаетъ локтями, чтобы пробраться сквозь толпу, и проситъ, почти слезнымъ голосомъ:

— Впишите и меня, господинъ!

— Какъ это, братъ, возможно! — говорятъ ему.—Ты еще малъ; ружья не подымешь на плечи.

— Вы, пожалуйста, меня только впишите— отвѣчаетъ онъ.—Если я не въ состояніи поднять ружье, я буду носить солдатамъ воду, помогать раненымъ.

Одинъ старикъ герцеговинецъ проситъ вписать его, его трехъ сыновей и дочь. Когда ему говорятъ, что женщинъ не принимаютъ, онъ отвѣчаетъ, что дочка умѣетъ стрѣлять, а время такое, что каждому, умѣющему стрѣлять, надо сказать: «добро пожаловать!»

Очень трогательная сцена была, когда пришло вписаться все духовное училище. Въ рясахъ, точно стая галокъ, молодые люди обступили памятникъ, предлагая принести жизнь въ жертву народу и отечеству.

Воодушевленіе все растетъ и растетъ, точно обвалъ, сорвавшійся съ высокой горы и не находящій себѣ удержу. Скупщина собирается, и первымъ дѣломъ посылаетъ телеграмму народному представительству братской Черногоріи: «Пускай и въ нашихъ и въ вашихъ сердцахъ воспламенится тотъ святой огонь, который вѣками поддерживается свѣтлымъ величественнымъ про-

шлымъ и долгимъ мученичествомъ нашимъ. Вѣрные хранители великихъ завѣтовъ, будемъ защищать то, что наше»!

На этотъ привѣтъ мужественная Черногорія отвѣчаетъ не менѣе горячимъ привѣтомъ: «Народная Скупщина Черногоріи съ энтузіазмомъ принимаетъ братскій привѣтъ Народной Скупщины королевства Сербіи, увѣряя ее, что Черногорія принесетъ всѣ силы свои на алтарь народнаго объединенія».

Читается прокламація князя Николая Черногорскаго. Онъ взываетъ къ черногорцамъ, чтобы они мужались въ это тяжелое время; ихъ сердца обливаются кровью, но вмѣстѣ съ ними горюетъ и его сердце за сердцемъ сербскаго народа, за Босніей и Герцеговиной. Черно-желтый флагъ австрійскій, выставленный между Черногоріей и Босніей и Герцеговиной, не будетъ обозначать границу, мѣшающую черногорцамъ быть сердцемъ и душою заодно съ порабощенными братьями. Этотъ флагъ будетъ только все время напоминать имъ о страшной несправедливости; онъ будетъ видимымъ знакомъ ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не дастъ уснуть вѣрѣ, что настанетъ день побѣды».

Все это еще больше возбуждаетъ народъ, и настроеніе его подымается все больше и больше. Толпы идутъ и идутъ по улицамъ Бѣлграда, шумныя и гнѣвныя какъ потокъ, прорывающійся сквозь ущеліе.

А на все это спокойно смотритъ съ неба чудное, осеннее солнце и обдаетъ мягкимъ свѣтомъ всю эту, какъ раскаленное желѣзо, раскипяченную массу. Въ природѣ все улыбается; на липахъ и акаціяхъ зеленѣютъ листики; тяжелыя айвы золотятся на солнцѣ, а виноградная лоза выставила душистыя, сочныя кисточки, какъ эмблему радости, счастья и наслажденія. Но на этотъ привѣтъ нѣтъ отвѣта, потому что въ настоящее время нѣтъ ни радости, ни счастья, ни наслажденія для этой, Богомъ благословенной и людьми обиженной, страны.

Отчего такъ несчастенъ этотъ народъ?

Двѣ братскія страны, видя угрожающую имъ опасность, окованныя въ цѣпи полнаго безправія, смотрятъ на Сербію и Черногорію, и бьются въ послѣднихъ судорогахъ. Онѣ несчастны, какъ и все сербское племя. Когда нашествіе османовъ нагрянуло на Европу, первый сильный народъ, вышедшій ему мужественно на встрѣчу, былъ сербскій народъ. Въ славной битвѣ на Косовомъ полѣ (въ 1389 году) его мощь была сломана: Сербія пропала, а та же участь въ скоромъ времени постигла и Боснію и Герцеговину, и на Балканскомъ полуостровѣ воцарилась безпросвѣтная тьма. Но народъ жилъ; двѣ великія путеводныя звѣзды свѣтили ему: вѣра православная и надежда, что настанетъ день свободы. Эту надежду окрыляло чувство національнаго единства;

сербы знали, что и въ Сербіи, и въ Старой Сербіи, и въ Босніи и Герцеговинѣ, и въ Далмаціи и Черногоріи, и въ южныхъ областяхъ австрійской имперіи, живетъ одинъ и тотъ же народъ, и это сознаніе давало имъ силу и будило вѣру въ будущее. Великая идея объединенія озаряла имъ путь, и они всей душой шли за нею. И когда оказалась первая возможность, народъ возсталъ, и въ 1804 году создалось маленькое сербское княжество подъ властью Карагеоргія, создался очагъ, на которомъ запылало пламя свободы, чтобы не потухнуть. Въ Черногоріи оно почти не потухало. Съ тѣхъ поръ Сербія и Черногорія, какъ два маяка, притягивающіе къ себѣ взоры всего народа, стали представительницами идеи объединенія. Въ теченіе всего XIX столѣтія эта идея воодушевляла поэтовъ, давала жизнь всей литературѣ, о ней только мечтали, ею бредили. Во имя ея загорѣлась въ 1876 году война Сербіи съ Турціей. Весь народъ надѣялся, что результатомъ этой борьбы будетъ объединеніе сербскаго племени (если не всего, то большей части его), но Берлинскій договоръ разбилъ эти надежды — Босния и Герцеговина достались подъ власть Австріи.

Когда Австрія входила туда, православное населеніе ей не сопротивлялось. Оно вѣрило во-первыхъ, что окупація только временная, и во-вторыхъ, что христіанская страна, которая бе-

ретъ его въ это временное попеченіе, внесетъ туда гуманность, культуру и просвѣщеніе, дастъ свободу жить и думать.

Какъ оно горько ошиблось! Ему пришлось очень скоро убѣдиться, что Австрія вошла туда съ совершенно другими намѣреніями, что она, какъ аванпостъ германства и самый сильный оплотъ католичества, станетъ дѣйствовать въ направленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ и культурой.

Что застала Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ, когда вошла туда?

Она застала одинъ народъ, говорящій однимъ и тѣмъ же сербскимъ языкомъ, но раздѣленный на три вѣроисповѣданія: православное, католическое и мусульманское. Православныхъ было тогда 496.000, мусульманъ 448.000, и католиковъ 200.000. Всѣ они жили между собою какъ братья, безъ религіозной вражды, придерживаясь пословицы: «брат је мио, које вере био» («братъ милъ, какой бы вѣры ни былъ»). Вѣрная принципу: «divide et impera», Австрія взялась за дѣло. Такъ какъ національное сознаніе всего больше развито у православныхъ, называющихъ себя открыто сербами и всей душой стремящихся къ объединенію съ братьями въ Сербіи и въ Черногоріи, ихъ надо было раздавить; мусульманъ, потомковъ стараго сербскаго дворянства, принявшаго при нашествіи турокъ исламъ, чтобы сохранить свои имѣнія, надо прижать и

все время вселять въ нихъ сознаніе, что они не сербы, а турки; католикамъ же надо помогать изо всѣхъ силъ, и говорить имъ, что они тоже не сербы, а хорваты. Кромѣ того никогда не терять изъ виду главнаго: привести православное и мусульманское населеніе къ полному экономическому разоренію, сдѣлать его нищимъ, и по мѣрѣ того, какъ оно будетъ погибать или выселяться, насаждать на его мѣсто нѣмецкихъ и мадьярскихъ колонистовъ.

Вотъ планъ, котораго придерживалась Австрія съ перваго дня оккупаціи. Слѣдуя этому плану, вся сила государственнаго механизма обрушилась на православныхъ сербовъ. Тысячи голодныхъ чиновниковъ, точно стая вороновъ, стали высасывать изъ нихъ всѣ жизненные соки; а сотни фратровъ стали рыскать по странѣ, проповѣдуя, что истинный Богъ только въ Римѣ и совращая народъ въ католическую вѣру.

Народъ терпѣлъ, и когда его терпѣніе перешло всякую мѣру, въ 1896-мъ году онъ послалъ австрійскому императору депутацію съ меморандумомъ, въ которомъ вылилъ свое горе. Онъ напоминаетъ императору, что, во время турецкаго владычества, сербская православная церковь и сербскія училища пользовались полной автономіей; сербскія церковно-училищныя общины управлялись самостоятельно; православные безпрепятственно употребляли въ школахъ и въ церквахъ сербскій языкъ съ кириллицей, сво-

Скупщины, отозвался слѣдующимъ образомъ: «Мы долго проливали кровь, и просвѣщенная Европа сказала намъ: «Успокойтесь, положите оружіе, потушите огонь, зажженный вами на Балканахъ». И послѣ огромныхъ жертвъ, понесенныхъ нами, мы согласились на это. И вотъ что случилось: Австрія беретъ Боснію и Герцеговину. Если она говоритъ, что осчастливила эти страны, пускай устроитъ тамъ плебисцитъ и спроситъ народъ: желаетъ ли онъ отдаться подъ власть габсбургскихъ монарховъ. Она не посмѣетъ этого сдѣлать, потому что знаетъ, «что боснійцы этого не захотятъ». Самую пламенную рѣчь сказалъ Воиславъ Маринковичъ, депутатъ въ Скупщинѣ: «Мы всѣ чувствуемъ, что теперь не время долгимъ разговорамъ. Это рѣдкіе моменты въ нашей жизни, и намъ слѣдуетъ рѣшиться на борьбу скоро, энергично, смѣло и безъ поворота. Наши сосѣди сдѣлали счетъ безъ насъ. Наша обязанность показать имъ, что этотъ счетъ никуда не годится. Если они случайно забыли, покажемъ имъ, что есть на свѣтѣ королевство Сербія и сербскій народъ. Если у насъ, можетъ быть, недостаточно пушекъ и гранатъ, у насъ много красной, теплой крови нашей, которую мы вѣками проливали. Надо имъ показать, что эту кровь мы будемъ проливать безъ боязни, когда интересы нашей страны и честь нашего имени требуютъ этого. Покажемъ, что мы готовы принять борьбу и съ врагомъ, превосходящимъ наши силы.

Покажемъ, что мы вѣрны традиціямъ нашего славнаго прошлаго. Покажемъ и теперь, что мы, правда, разъ потеряли свою независимость, но потеряли на полѣ сраженія, а никогда не дарили своего государства никому. И если намъ суждено лечь костьми, ляжемъ какъ достойные потомки героевъ съ Косова поля. Пусть Турція не защищаетъ своихъ интересовъ, а великія державы пусть примутъ отъ Австріи эту пощечину, мы обнажимъ свой мечь, сколько бы нашихъ враговъ ни было!»

Энтузіазмъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Съ трехцвѣтными знаменами и съ криками: «долой Австрію!» народъ пошелъ передъ посольства итальянское, французское и англійское.

Воинственныя пѣсни раздавались далеко за полночь, а военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ короля, засѣдалъ всю ночь.

Это было во вторникъ, 23-го сентября, а 24-го рано вышелъ королевскій указъ, призывающій подъ знамена всѣхъ военныхъ первой очереди. И первая армія, въ 180.000 человѣкъ, стала готовиться къ выступленію.

Экзальтированное настроеніе поддерживалось газетами. Во всѣхъ газетахъ мы только и читали: «У рат, у свети рат!» («На войну! На святую войну!»). «Австрію не колотилъ только тотъ, кто съ ней войны не велъ», пишетъ одна газета. «Императоръ Францъ-Іосифъ выигралъ передъ смертью хоть одно сраженіе —онъ взялъ безоруж-

ный народъ Босніи и Герцеговины!» «Въ тотъ день, когда аннексія Босніи и Герцеговины будетъ совершившимся фактомъ»,—пишетъ другая газета,—«Сербія очутится въ отчаянномъ положеніи, изъ котораго можетъ ее вывести только отчаянный шагъ. Инстинктъ самосохраненія продиктуетъ ей самую рѣшительную акцію, и такая акція, хотя бы выходила отъ самаго маленькаго народа, можетъ быть очень опасной для самаго сильнаго врага». «Болгарія получила Восточную Румелію и независимость»,—читаемъ въ другой газетѣ—«Австрія—Боснію и Герцеговину, Греція—Критъ. И теперь, когда каждый взялъ лакомый кусокъ, мы поставимъ все на одну карту. Мы будемъ бороться какъ люди, хватающіеся за раскаленное желѣзо. Бомбами мы проторимъ себѣ дорогу къ Сараеву и Мостару. И все это сдѣлаемъ мы, которые вѣримъ въ свои руки. И если теперешнее правительство не пойдетъ съ нами, пускай постыдно уходитъ и передастъ бразды правленія въ руки тѣхъ сильныхъ и храбрыхъ, рожденныхъ для того, чтобы повести насъ въ борьбу и посмотрѣть смерти въ глаза».

Кто же въ сущности поведетъ народъ?

Кто же другой, какъ не король Петръ! Когда-то, будучи еще претендентомъ на сербскій престолъ, во время герцеговинскаго возстанія, онъ боролся для свободы Босніи и Герцеговины; тамъ его всѣ любятъ, тамъ его называютъ своимъ рыцаремъ, тамъ вѣрятъ въ него. И одна газета

посвящаетъ ему цѣлую статью, и заканчиваетъ ее словами: «Ты король Сербіи, ты главнокомандующій всей сербской арміи! Защити Боснію! Обнажи свой рыцарскій мечъ, если онъ дѣйствительно у тебя рыцарскій, и поведи насъ всѣхъ туда, чтобъ за Боснію погибнуть, чтобъ съ ней вмѣстѣ умереть. Вѣрь: лучше, защищая Боснію, потерять корону, чѣмъ, сохраняя корону, потерять Боснію!»

Такъ газеты.

А народъ приходитъ все въ большее и большее волненіе. Въ университетѣ лекціи почти прекратились въ это первое время, молодежь перестала посѣщать гимназіи. Она выбрала себѣ мѣсто на forum serbicum, передъ памятникомъ князя Михаила. Онъ весь въ флагахъ. На одномъ флагѣ, воткнутомъ князю въ правую руку, надпись: «Смерть грабителямъ!», на другомъ—«Отечество въ опасности!» У пьедестала памятника столъ, за которымъ засѣдаетъ одинъ молодой литераторъ. «Братья, кто желаетъ поступить въ добровольцы!»—предлагаетъ онъ. Всѣ вписываются. За нѣсколько часовъ вписалось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Вписываются и старые, и молодые, вписываются сербы изъ королевства и изъ неосвобожденныхъ сербскихъ странъ, вписываются даже иностранцы, проживающіе въ городѣ и привыкшіе считать Сербію своимъ отечествомъ. Происходятъ сцены, доказывающія, какое сильное воодушевленіе охватило всѣ сердца. Точно вижу

одного мальчугана,—онъ усиленно работаетъ локтями, чтобы пробраться сквозь толпу, и проситъ, почти слезнымъ голосомъ:

— Впишите и меня, господинъ!

— Какъ это, братъ, возможно! — говорятъ ему.—Ты еще малъ; ружья не подымешь на плечи.

— Вы, пожалуйста, меня только впишите— отвѣчаетъ онъ.—Если я не въ состояніи поднять ружье, я буду носить солдатамъ воду, помогать раненымъ.

Одинъ старикъ герцеговинецъ проситъ вписать его, его трехъ сыновей и дочь. Когда ему говорятъ, что женщинъ не принимаютъ, онъ отвѣчаетъ, что дочка умѣетъ стрѣлять, а время такое, что каждому, умѣющему стрѣлять, надо сказать: «добро пожаловать!»

Очень трогательная сцена была, когда пришло вписаться все духовное училище. Въ рясахъ, точно стая галокъ, молодые люди обступили памятникъ, предлагая принести жизнь въ жертву народу и отечеству.

Воодушевленіе все растетъ и растетъ, точно обвалъ, сорвавшійся съ высокой горы и не находящій себѣ удержу. Скупщина собирается, и первымъ дѣломъ посылаетъ телеграмму народному представительству братской Черногоріи: «Пускай и въ нашихъ и въ вашихъ сердцахъ воспламенится тотъ святой огонь, который вѣками поддерживается свѣтлымъ величественнымъ про-

шлымъ и долгимъ мученичествомъ нашимъ. Вѣрные хранители великихъ завѣтовъ, будемъ защищать то, что наше»!

На этотъ привѣтъ мужественная Черногорія отвѣчаетъ не менѣе горячимъ привѣтомъ: «Народная Скупщина Черногоріи съ энтузіазмомъ принимаетъ братскій привѣтъ Народной Скупщины королевства Сербіи, увѣряя ее, что Черногорія принесетъ всѣ силы свои на алтарь народнаго объединенія».

Читается прокламація князя Николая Черногорскаго. Онъ взываетъ къ черногорцамъ, чтобы они мужались въ это тяжелое время; ихъ сердца обливаются кровью, но вмѣстѣ съ ними горюетъ и его сердце за сердцемъ сербскаго народа, за Босніей и Герцеговиной. Черно-желтый флагъ австрійскій, выставленный между Черногоріей и Босніей и Герцеговиной, не будетъ обозначать границу, мѣшающую черногорцамъ быть сердцемъ и душою заодно съ порабощенными братьями. Этотъ флагъ будетъ только все время напоминать имъ о страшной несправедливости; онъ будетъ видимымъ знакомъ ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не дастъ уснуть вѣрѣ, что настанетъ день побѣды».

Все это еще больше возбуждаетъ народъ, и настроеніе его подымается все больше и больше. Толпы идутъ и идутъ по улицамъ Бѣлграда, шумныя и гнѣвныя какъ потокъ, прорывающійся сквозь ущеліе.

А на все это спокойно смотритъ съ неба чудное, осеннее солнце и обдаетъ мягкимъ свѣтомъ всю эту, какъ раскаленное желѣзо, раскипяченную массу. Въ природѣ все улыбается; на липахъ и акаціяхъ зеленѣютъ листики; тяжелыя айвы золотятся на солнцѣ, а виноградная лоза выставила душистыя, сочныя кисточки, какъ эмблему радости, счастья и наслажденія. Но на этотъ привѣтъ нѣтъ отвѣта, потому что въ настоящее время нѣтъ ни радости, ни счастья, ни наслажденія для этой, Богомъ благословенной и людьми обиженной, страны.

Отчего такъ несчастенъ этотъ народъ?

Двѣ братскія страны, видя угрожающую имъ опасность, окованныя въ цѣпи полнаго безправія, смотрятъ на Сербію и Черногорію, и бьются въ послѣднихъ судорогахъ. Онѣ несчастны, какъ и все сербское племя. Когда нашествіе османовъ нагрянуло на Европу, первый сильный народъ, вышедшій ему мужественно на встрѣчу, былъ сербскій народъ. Въ славной битвѣ на Косовомъ полѣ (въ 1389 году) его мощь была сломана: Сербія пропала, а та же участь въ скоромъ времени постигла и Боснію и Герцеговину, и на Балканскомъ полуостровѣ воцарилась безпросвѣтная тьма. Но народъ жилъ; двѣ великія путеводныя звѣзды свѣтили ему: вѣра православная и надежда, что настанетъ день свободы. Эту надежду окрыляло чувство національнаго единства;

сербы знали, что и въ Сербіи, и въ Старой Сербіи, и въ Босніи и Герцеговинѣ, и въ Далмаціи и Черногоріи, и въ южныхъ областяхъ австрійской имперіи, живетъ одинъ и тотъ же народъ, и это сознаніе давало имъ силу и будило вѣру въ будущее. Великая идея объединенія озаряла имъ путь, и они всей душой шли за нею. И когда оказалась первая возможность, народъ возсталъ, и въ 1804 году создалось маленькое сербское княжество подъ властью Карагеоргія, создался очагъ, на которомъ запылало пламя свободы, чтобы не потухнуть. Въ Черногоріи оно почти не потухало. Съ тѣхъ поръ Сербія и Черногорія, какъ два маяка, притягивающіе къ себѣ взоры всего народа, стали представительницами идеи объединенія. Въ теченіе всего XIX столѣтія эта идея воодушевляла поэтовъ, давала жизнь всей литературѣ, о ней только мечтали, ею бредили. Во имя ея загорѣлась въ 1876 году война Сербіи съ Турціей. Весь народъ надѣялся, что результатомъ этой борьбы будетъ объединеніе сербскаго племени (если не всего, то большей части его), но Берлинскій договоръ разбилъ эти надежды — Боснія и Герцеговина достались подъ власть Австріи.

Когда Австрія входила туда, православное населеніе ей не сопротивлялось. Оно вѣрило во-первыхъ, что окупація только временная, и во-вторыхъ, что христіанская страна, которая бе-

ретъ его въ это временное попеченіе, внесетъ туда гуманность, культуру и просвѣщеніе, дастъ свободу жить и думать.

Какъ оно горько ошиблось! Ему пришлось очень скоро убѣдиться, что Австрія вошла туда съ совершенно другими намѣреніями, что она, какъ аванпостъ германства и самый сильный оплотъ католичества, станетъ дѣйствовать въ направленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ и культурой.

Что застала Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ, когда вошла туда?

Она застала одинъ народъ, говорящій однимъ и тѣмъ же сербскимъ языкомъ, но раздѣленный на три вѣроисповѣданія: православное, католическое и мусульманское. Православныхъ было тогда 496.000, мусульманъ 448.000, и католиковъ 200.000. Всѣ они жили между собою какъ братья, безъ религіозной вражды, придерживаясь пословицы: «брат је мио, које вере био» («братъ милъ, какой бы вѣры ни былъ»). Вѣрная принципу: «divide et impera», Австрія взялась за дѣло. Такъ какъ національное сознаніе всего больше развито у православныхъ, называющихъ себя открыто сербами и всей душой стремящихся къ объединенію съ братьями въ Сербіи и въ Черногоріи, ихъ надо было раздавить; мусульманъ, потомковъ стараго сербскаго дворянства, принявшаго при нашествіи турокъ исламъ, чтобы сохранить свои имѣнія, надо прижать и

все время вселять въ нихъ сознаніе, что они не сербы, а турки; католикамъ же надо помогать изо всѣхъ силъ, и говорить имъ, что они тоже не сербы, а хорваты. Кромѣ того никогда не терять изъ виду главнаго: привести православное и мусульманское населеніе къ полному экономическому разоренію, сдѣлать его нищимъ, и по мѣрѣ того, какъ оно будетъ погибать или выселяться, насаждать на его мѣсто нѣмецкихъ и мадьярскихъ колонистовъ.

Вотъ планъ, котораго придерживалась Австрія съ перваго дня оккупаціи. Слѣдуя этому плану, вся сила государственнаго механизма обрушилась на православныхъ сербовъ. Тысячи голодныхъ чиновниковъ, точно стая вороновъ, стали высасывать изъ нихъ всѣ жизненные соки; а сотни фратровъ стали рыскать по странѣ, проповѣдуя, что истинный Богъ только въ Римѣ и совращая народъ въ католическую вѣру.

Народъ терпѣлъ, и когда его терпѣніе перешло всякую мѣру, въ 1896-мъ году онъ послалъ австрійскому императору депутацію съ меморандумомъ, въ которомъ вылилъ свое горе. Онъ напоминаетъ императору, что, во время турецкаго владычества, сербская православная церковь и сербскія училища пользовались полной автономіей; сербскія церковно-училищныя общины управлялись самостоятельно; православные безпрепятственно употребляли въ школахъ и въ церквахъ сербскій языкъ съ кириллицей, сво-

бодно именовались сербами, и свободно же безъ предварительныхъ заявленій, собирались на совѣщанія по церковно-школьнымъ вопросамъ; церковно-школьныя празднества и внѣшніе религіозные обряды совершались свободно, безъ предварительныхъ предувѣдомленій и безъ вліянія политическихъ властей; въ церквахъ и школахъ безпрепятственно употреблялись православныя иконы, въ особенности иконы сербскихъ святителей, а въ общинахъ и въ училищныхъ зданіяхъ вывѣшивались сербскія историческія картины; священниковъ и учителей общины назначали свободно, безъ всякаго вліянія и вмѣшательства политическихъ властей; общины свободно и безпрепятственно строили и содержали свои конфессіональныя училища, элементарныя и среднія, съ соотвѣтствующими программами, развивающими въ дѣтяхъ любовь къ вѣрѣ отцовъ, къ сербской народности, сербскому имени и языку, и пробуждающими въ нихъ національное самосознаніе; общины свободно и безпрепятственно принимали добровольныя пожертвованія и завѣщанныя имущества въ пользу церквей и школъ; свободно распоряжались своимъ имуществомъ, покупали и продавали общинныя имѣнія въ пользу церквей и школъ, и основывали народныя, церковно-училищные фонды безъ предварительнаго на это позволенія властей; свободно распоряжались своими общинными зданіями, и наконецъ, пользовались правомъ подачи прошеній свѣтскимъ и

церковнымъ властямъ, не исключая высшаго правительства и государя.

Такъ это было во время владычества оттомановъ. Когда Австрія вошла въ Боснію и Герцеговину, отъ имени императора было обѣщано народу, «что законы и установленія страны не будутъ уничтожены произвольно, а святыни и обычаи будутъ ограждены», «что всѣ передъ закономъ будутъ пользоваться одинаковыми правами, что всѣмъ одинаково будутъ гарантированы жизнь, вѣра и имущество».

И что же видимъ?

Всѣ эти обѣщанія остались пустыми словами. «Правительство»,—жалуется народъ въ меморандумѣ—«стремилось и стремится къ уничтоженію нашихъ святынь разными постановленіями и приказами, несогласными не только съ нашей унаслѣдованной автономіей, но даже и съ понятіемъ о какой бы то ни было автономіи». Такъ, напр.: органы правительства входятъ съ жандармами въ школы и разгоняютъ общинныя собранія; насильственно снимаютъ историческіе портреты, между которыми есть и портреты лицъ, причисляемыхъ церковью къ лику святыхъ; воспрещаютъ общинамъ пріобрѣтать имѣнія; воспрещаютъ исполненіе внѣшнихъ обрядовъ вѣры; выдвигаютъ латинское письмо въ ущербъ кириллицѣ; запрещаютъ именоваться сербами и, подъ угрозами, приказываютъ общинамъ называть свой языкъ «боснійскимъ», а не сербскимъ, лишаютъ

народъ свободы выбора священниковъ; преслѣдуютъ и перемѣщаютъ священниковъ; постройка православныхъ храмовъ затрудняется и отодвигается съ видныхъ мѣстъ въ неудобныя; не допускается организація церковно-пѣвческихъ хоровъ; препятствуютъ получать фонды и добровольныя пожертвованія безъ предварительнаго разрѣшенія; къ церквамъ и церковно-православнымъ общинамъ примѣняются законы о политическихъ обществахъ, что противно каноническимъ постановленіямъ православной церкви; навязывается силой общинамъ, безъ соглашенія народа и священниковъ, статутъ, несоотвѣтствующій канонамъ православной церкви и отдающій всю власть церковной общины въ руки полиціи; отнимается у общинъ право подачи жалобъ; церковно-школьный совѣтъ не смѣетъ засѣдать, если община на нѣсколько дней раньше не увѣдомитъ полицію о засѣданіи и о программѣ его; власти произвольно, безъ присутствія священниковъ, входятъ въ алтарь и дѣлаютъ опись священной церковной утвари. «Изъ всего этого» — жалуется народъ въ меморандумѣ — «явствуетъ, что сербскія церковно-школьныя общины и сама православная вѣра отданы подъ надзоръ полиціи, чего не было даже во время оттоманскаго владычества».

Что касается православныхъ школъ, правительство дѣлаетъ все, чтобы ихъ уничтожить. «Многолѣтній горькій опытъ»—жалуется народъ въ меморандумѣ—«увѣрилъ насъ, что мѣстныя

власти, вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ въ Сараевѣ, стремятся къ тому, чтобы окончательно уничтожить наши святыни—наши православныя школы, въ которыхъ наша молодежь просвѣщается въ духѣ православной вѣры и сербской народности. Имя сербское, языкъ, какъ и всякое проявленіе народнаго самосознанія, преслѣдуются со всевозможной строгостью».

Прежде всего власти поставили себѣ цѣлью искоренить празднованіе перваго сербскаго просвѣтителя и учителя, покровителя сербскихъ школъ, св. Саввы, котораго православная церковь причла къ лику святыхъ; празднованіе этого святителя обставляется различными препятствіями; цензура запрещаетъ имѣть его изображенія какъ въ школѣ, такъ и внѣ оной; даже пѣніе тропаря св. Саввы возбраняется.

Преподаваніе въ сербскихъ православныхъ школахъ поставлено цензурой въ особыя рамки; школьные учебники въ сербскомъ духѣ строго воспрещаются, а навязываются такіе, которыми убивается народное самосознаніе; воспрещаются даже письменныя тетради, на оберткѣ которыхъ нарисовано какое-нибудь происшествіе изъ сербской исторіи.

Непреодолимыя препятствія поставлены къ открытію и постройкѣ новыхъ школъ; не дозволяется съ этой цѣлью пріобрѣтать даже мѣста для школъ; ставятся препятствія самой постройкѣ школьныхъ зданій; мѣста для нихъ отводятся не

народъ свободы выбора священниковъ; преслѣдуютъ и перемѣщаютъ священниковъ; постройка православныхъ храмовъ затрудняется и отодвигается съ видныхъ мѣстъ въ неудобныя; не допускается организація церковно-пѣвческихъ хоровъ; препятствуютъ получать фонды и добровольныя пожертвованія безъ предварительнаго разрѣшенія; къ церквамъ и церковно-православнымъ общинамъ примѣняются законы о политическихъ обществахъ, что противно каноническимъ постановленіямъ православной церкви; навязывается силой общинамъ, безъ соглашенія народа и священниковъ, статутъ, несоотвѣтствующій канонамъ православной церкви и отдающій всю власть церковной общины въ руки полиціи; отнимается у общинъ право подачи жалобъ; церковно-школьный совѣтъ не смѣетъ засѣдать, если община на нѣсколько дней раньше не увѣдомитъ полицію о засѣданіи и о программѣ его; власти произвольно, безъ присутствія священниковъ, входятъ въ алтарь и дѣлаютъ опись священной церковной утвари. «Изъ всего этого» — жалуется народъ въ меморандумѣ—«явствуетъ, что сербскія церковно-школьныя общины и сама православная вѣра отданы подъ надзоръ полиціи, чего не было даже во время оттоманскаго владычества».

Что касается православныхъ школъ, правительство дѣлаетъ все, чтобы ихъ уничтожить. «Многолѣтній горькій опытъ»—жалуется народъ въ меморандумѣ—«увѣрилъ насъ, что мѣстныя

ибо власти мѣсяцами оттягивали утвержденіе выбора, несмотря на то, что прошеніе обыкновенно сопровождалось свидѣтельствомъ мѣстной полиціи о политической благонадежности.

«А что дѣло ведется къ тому, чтобы уничтожить даже малѣйшіе слѣды нашей народности»,— продолжаетъ народъ жаловаться въ меморандумѣ,—«показываетъ случай съ надгробными надписями, писанными кириллицей, въ городѣ Столцѣ, гдѣ подъ предлогомъ научнаго изслѣдованія производились раскопки старинныхъ гробницъ нашихъ предковъ, причемъ надгробныя плиты разнесли въ разныя стороны и употребили на другія цѣли».

Православнымъ запрещается учрежденіе сербскихъ читаленъ, сербскихъ пѣвческихъ хоровъ и просвѣтительныхъ установленій, подъ разными предлогами, ибо правительство не видитъ въ этомъ необходимости.

Мѣстныхъ уроженцевъ, кончившихъ курсъ наукъ заграницей, не допускаютъ къ занятію учительскихъ и священническихъ должностей, лишая ихъ такимъ образомъ родины.

Въ концѣ меморандума народъ жалуется на удивительный способъ веденія дѣлъ властями, которымъ достигается цѣль уничтоженія народныхъ исконныхъ правъ. Это устныя распоряженія. Полиція даетъ устное приказаніе отдѣльнымъ лицамъ и корпораціямъ объ исполненіи самыхъ несправедливыхъ вещей, и строго требуетъ,

подъ страхомъ громадныхъ штрафовъ, исполненія этихъ приказаній. На прошеніе подтвердить устное приказаніе письменнымъ, не обращается вниманіе. «Этимъ у насъ»,—жалуется народъ — «съ одной стороны отнята возможность представлять доказательство, касательно различныхъ правительственныхъ распоряженій, а съ другой — возможность жаловаться высшимъ властямъ».

Какой же послѣдовалъ отвѣтъ на эту жалобу?

Изъ Вѣны—никакой, а въ самой странѣ очень печальный. Нѣкоторые изъ подписавшихъ меморандумъ были отправлены въ тюрьму, въ кандалахъ; къ другимъ полиція предъявляла разныя ложныя обвиненія, а церковно-православныя общины двухъ главныхъ городовъ, Мостара и Сараева, были распущены, и управленіе ихъ отдано въ руки полиціи.

Несмотря на все это, въ 1897 году народъ посылаетъ вторую депутацію въ Вѣну, съ новымъ меморандумомъ, въ которомъ протестуетъ противъ насилія и еще разъ подтверждаетъ все высказанное въ первомъ меморандумѣ.

Императоръ молчитъ, а въ странѣ водворяется полный произволъ. Въ третьемъ меморандумѣ, поданномъ въ 1900 году, есть мѣста прямо ужасныя. «Весь нашъ народъ»—жалуется императору угнетенное православное населеніе—«поставленъ внѣ закона; его угнетаютъ всѣми воз-

можными средствами, отнимая у него даже всякую возможность заработка; ремесленникамъ и купцамъ мѣшаютъ работать; со стороны полиціи выработана цѣлая система, чтобы православные свой трудъ, капиталы и имѣніе не могли употребить съ пользою для себя—а все это дѣлается для того, чтобы народъ поддался и согласился отдать дѣла православной церкви и школы на попеченіе правительства».

Народъ еще разъ подтверждаетъ все то, на что раньше жаловался, и приводитъ грустныя послѣдствія насилія. Вслѣдствіе того, что правительство не позволяетъ народу выбирать себѣ священниковъ, какъ это дѣлалось въ старину, а назначаетъ ихъ отъ себя, выбирая такихъ, которые будутъ служить покорнымъ орудіемъ его, и вслѣдствіе того, что полиція врывается въ общины и насильственно отнимаетъ ихъ отъ народа, народъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пересталъ посѣщать святые храмы Божіи, пересталъ принимать св. Тайны, поученія и наставленія священниковъ, пересталъ исполнять обряды: началъ хоронить покойниковъ безъ священника, исполняя ихъ предсмертное желаніе. Отъ новыхъ, насильственно поставленныхъ священниковъ, народъ не хочетъ принимать таинства св. Крещенія, такъ что есть дѣти, которые остаются уже нѣсколько лѣтъ некрещенными. Есть деревни, гдѣ народъ пересталъ ходить въ церковь вѣнчаться. «Все это»—жалуются общины въ меморандумѣ—«тяго-

подъ страхомъ громадныхъ штрафовъ, исполненія этихъ приказаній. На прошеніе подтвердить устное приказаніе письменнымъ, не обращается вниманіе. «Этимъ у насъ»,—жалуется народъ — «съ одной стороны отнята возможность представлять доказательство, касательно различныхъ правительственныхъ распоряженій, а съ другой — возможность жаловаться высшимъ властямъ».

Какой же послѣдовалъ отвѣтъ на эту жалобу?

Изъ Вѣны—никакой, а въ самой странѣ очень печальный. Нѣкоторые изъ подписавшихъ меморандумъ были отправлены въ тюрьму, въ кандалахъ; къ другимъ полиція предъявляла разныя ложныя обвиненія, а церковно-православныя общины двухъ главныхъ городовъ, Мостара и Сараева, были распущены, и управленіе ихъ отдано въ руки полиціи.

Несмотря на все это, въ 1897 году народъ посылаетъ вторую депутацію въ Вѣну, съ новымъ меморандумомъ, въ которомъ протестуетъ противъ насилія и еще разъ подтверждаетъ все высказанное въ первомъ меморандумѣ.

Императоръ молчитъ, а въ странѣ водворяется полный произволъ. Въ третьемъ меморандумѣ, поданномъ въ 1900 году, есть мѣста прямо ужасныя. «Весь нашъ народъ»—жалуется императору угнетенное православное населеніе—«поставленъ внѣ закона; его угнетаютъ всѣми воз-

можными средствами, отнимая у него даже всякую возможность заработка; ремесленникамъ и купцамъ мѣшаютъ работать; со стороны полиціи выработана цѣлая система, чтобы православные свой трудъ, капиталы и имѣніе не могли употребить съ пользою для себя—а все это дѣлается для того, чтобы народъ поддался и согласился отдать дѣла православной церкви и школы на попеченіе правительства».

Народъ еще разъ подтверждаетъ все то, на что раньше жаловался, и приводитъ грустныя послѣдствія насилія. Вслѣдствіе того, что правительство не позволяетъ народу выбирать себѣ священниковъ, какъ это дѣлалось въ старину, а назначаетъ ихъ отъ себя, выбирая такихъ, которые будутъ служить покорнымъ орудіемъ его, и вслѣдствіе того, что полиція врывается въ общины и насильственно отнимаетъ ихъ отъ народа, народъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пересталъ посѣщать святые храмы Божіи, пересталъ принимать св. Тайны, поученія и наставленія священниковъ, пересталъ исполнять обряды: началъ хоронить покойниковъ безъ священника, исполняя ихъ предсмертное желаніе. Отъ новыхъ, насильственно поставленныхъ священниковъ, народъ не хочетъ принимать таинства св. Крещенія, такъ что есть дѣти, которые остаются уже нѣсколько лѣтъ некрещенными. Есть деревни, гдѣ народъ пересталъ ходить въ церковь вѣнчаться. «Все это»—жалуются общины въ меморандумѣ—«тяго-

считается преступленіемъ въ глазахъ правительства; вслѣдствіе этого масса православныхъ храмовъ находится въ запущеніи и терпитъ самую настоятельную нужду въ церковной утвари. Католики же получаютъ все, что имъ надобно, и изъ Вѣны, и изъ Рима, и изъ всѣхъ католическихъ странъ Запада.

Благодаря этому католичество дѣлаетъ огромные успѣхи. Обладая громадными, неизсякаемыми средствами и находя самую дѣятельную поддержку со стороны правительства, католическіе фратры не разбираютъ средствъ для пропаганды. Православныя общины жалуются въ меморандумѣ, что католическое духовенство насильно переводитъ людей въ свою вѣру и дѣйствуетъ въ этомъ направленіи открыто и потаенно недопустимыми средствами; что для католическихъ книгъ и изданій нѣтъ цензуры; католики открыто поносятъ православную вѣру, православнымъ же воспрещается писать что-либо о католической пропагандѣ и защищаться отъ нея.

Вотъ какъ Австрія уважаетъ свободу совѣсти въ Босніи и Герцеговинѣ! Все это дѣлается для того, чтобы убить душу въ православномъ сербскомъ населеніи и лишить его вѣры предковъ, тѣсно связанной съ національнымъ сознаніемъ. Чѣмъ меньше православныхъ, тѣмъ меньше сербовъ, и, стало быть, тѣмъ меньше жителей Босніи и Герцеговины, которые смотрятъ на Сербію и на Черногорію, какъ на центры націо-

нальнаго объединенія—вотъ логика оккупаціонnаго правительства.

Но убить только душу въ православномъ населеніи—этого мало. Надо подорвать и его физическую силу. Въ этомъ направленіи работаетъ весь штатъ чиновниковъ иностранцевъ, пользуясь главнымъ образомъ аграрной системой. Она осталась еще отъ турокъ, и Австрія не шевельнула пальцемъ, чтобы рѣшить аграрный вопросъ, хотя неспособность Турціи рѣшить его выставлялась ею на Берлинскомъ конгресѣ одной изъ причинъ необходимости оккупаціи. Земля и въ настоящее время, въ большей части, принадлежитъ сербамъ-мусульманамъ, какъ въ былое время принадлежала дворянству въ Россіи. Православный крестьянинъ является въ большинствѣ случаевъ только земледѣльцемъ, который во время турецкаго владычества давалъ бегу-помѣщику извѣстную долю урожая, и то in natura. Бегъ не былъ слишкомъ требователенъ, и оставлялъ крестьянину столько, сколько нужно было, чтобы онъ могъ пропитать себя и семью, и вести хозяйство.

Австрійская администрація перемѣнила эту натуральную повинность на денежную и назначила цѣлый штатъ чиновниковъ-оцѣнщиковъ. Оцѣнщикъ приходитъ и, на глазомѣръ, по собственному усмотрѣнію, оцѣниваетъ количество урожая, переводя стоимость его на деньги по рыночной цѣнѣ. Десятую часть назначенной стои-

мости крестьянинъ долженъ внести въ казну, а третью — землевладѣльцу. Вотъ тутъ и происходитъ вся бѣда. Количество и стоимость урожая оцѣниваются обыкновенно такъ высоко, что, когда крестьянинъ продаетъ урожай, ему часто приходится занимать денегъ, чтобы заплатить десятую и третью часть, а самому сидѣть впроголодь до новаго урожая.

А если онъ не въ состояніи заплатить, начинается безпощадная расправа: продается съ молотка все, даже икона, даже лампадка, даже полуиспеченный хлѣбъ вынимается изъ печки и продается.

Благодаря этому, благодаря разнымъ налогамъ и всевозможнымъ хищеніямъ, народъ обнищалъ. Чтобы не умереть съ голоду, онъ сталъ оставлять родной край и искать кусокъ хлѣба въ Америкѣ.

Та же участь постигла и многихъ помѣщиковъ, сербовъ-мусульманъ. Когда Австрія вошла въ Боснію и Герцеговину, оккупаціонное правительство разорило старинное мусульманское кладбище въ Мостарѣ, чтобы на этомъ мѣстѣ выстроить казарму. Это было начало, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ притѣсненій, вплоть до отнятія вакуфовъ, громаднѣйшихъ церковныхъ имѣній, изъ рукъ народа, и отдачи въ руки чиновниковъ. Обиженное въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, мусульманское населеніе все больше убѣждалось, что падишахъ перестаетъ быть хо-

зяиномъ страны. Привыкать къ новымъ порядкамъ ему было не подъ силу, и оно стало выселяться. Аграрный заемъ тоже доконалъ многихъ изъ нихъ. Они закладывали свои имѣнія въ правительственный банкъ, который нарочно старался втянуть ихъ въ эту операцію, и многіе очутились на улицѣ.

И вотъ потянулась длинная вереница обиженныхъ, нищихъ и бездомныхъ сербовъ-мусульманъ. Переѣхали они въ Малую Азію, чтобы забыть родной языкъ и утонуть въ морѣ ислама. За три десятилѣтія оккупаціи выселилось ихъ больше 200.000.

Получился тотъ результатъ, который былъ желателенъ. Огромныя помѣстья, покидаемыя землевладѣльцами, перешли въ руки воинственнаго католицизма, для нѣмецкой колонизаціи. На имя одного архіепископа Штадлера, шефа католической пропаганды, пріобрѣтено земель на нѣсколько милліоновъ кронъ.

А чтобы голосъ этого замученнаго народа не могъ дойти до Европы, для этого есть тюрьмы, штрафы, полчища жандармовъ и полиціи, и цѣлая армія солдатъ. Для газетъ есть цензура такая, что часто выходятъ однѣ заголовки, остальное все бѣло. А для отвода глазъ и чтобы Европѣ показать, что страна процвѣтаетъ, на деньги, содранныя съ народа, оккупаціонное правительство выстроило желѣзныя дороги, прекрасныя казенныя зданія, первоклассныя гостинницы, и

иностранецъ, пріѣзжающій туда, находитъ, что все тамъ прекрасно.

Вотъ, Господа, что дѣлаетъ Австрія въ Босніи и въ Герцеговинѣ. Ея работу я показалъ вамъ только частично, въ главныхъ очертаніяхъ. Если же нарисовать полную картину мукъ и страданій тамошняго народа, этого 30-тилѣтняго славянскаго мученика, распятаго на крестъ во имя прогресса и цивилизаціи, получилось бы что-то невѣроятное для нашего времени. И этотъ народъ всетаки жилъ, въ надеждѣ, что его страданія дойдутъ до Европы и нашествію будетъ конецъ. И вдругъ ему говорятъ, что его врагъ, съ согласія той же самой Европы, беретъ его въ вѣчную кабалу. Народъ остолбенѣлъ. Обезоруженный и подавленный онъ не могъ произнести ни слова. Зато заговорили тѣ, которые могутъ говорить, заговорила Сербія и Черногорія, заговорили всѣ остальныя части сербскаго племени, заговорило обиженное и возмущенное чувство правды и справедливости.

Да, Господа! Горькую обиду чувствуетъ въ настоящее время сербскій народъ. Онъ вѣрилъ, что на свѣтѣ не заглохло еще чувство справедливости, и Австрія грубымъ захватомъ наноситъ этому чувству самый тяжелый ударъ. Онъ оглядывается кругомъ себя. Какъ же это? Ему говорятъ, что онъ некультуренъ, но что находится среди культурныхъ народовъ, и ему до боли обидно; ему хочется кричать и напомнить имъ

это. Точно теперь слышу, какъ въ Скупщинѣ раздаются слова ея президента, Л. Іовановича: «Мы думаемъ, что смѣемъ надѣяться на свободолюбивый французскій народъ, который столько жертвъ принесъ для осуществленія національнаго начала въ Европѣ въ XIX-мъ столѣтіи; что можемъ надѣяться на итальянскій народъ, который, благодаря этому началу, обезпечилъ себѣ свое національное существованіе и свою національную свободу. А неужели и великій англійскій народъ, совершившій гораздо раньше свою національную формацію, неужели онъ не былъ однимъ изъ главныхъ подспорьевъ итальянскаго объединенія? Я хочу вѣрить, что и среди 80-ти милліоновъ великаго нѣмецкаго народа есть люди, сохранившіе въ душѣ слѣды великаго освободительнаго движенія, великихъ идей, великой работы и великихъ умовъ, создавшихъ нѣмецкое національное объединеніе».

Такъ говорилъ президентъ Скупщины, и всѣ мы прислушивались, что скажутъ на Западѣ. Англичане первые почувствовали весь позоръ поступка Австріи, и мы съ нравственнымъ удовлетвореніемъ читали отзывы англійскихъ газетъ. «Австро-Венгрія»—писалъ «Daily Graphic—«недостойно нарушила одинъ международный актъ и совершила разбойничество, которому нѣтъ подобнаго въ самыхъ разбойничьихъ временахъ міровой исторіи». «Австро-Венгрія»—отозвался «Morning Post»—«сдѣлала что-то гораздо худшее,

чѣмъ когда-либо сдѣлало любое государство, въ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ». «Standard» написалъ: «Аннексію Босніи и Герцеговины нельзя допустить никоимъ образомъ, если еще чего-нибудь стоитъ честность и мораль». «Австрійцы недостойные европейцы», выразился «Daily Chronicle».

Послѣ этихъ отзывовъ вѣра въ англичанъ и въ побѣду сербскаго дѣла стали расти, тѣмъ болѣе, что правительственная власть теперь въ рукахъ либераловъ, что Эдуардъ Грей считается ученикомъ Гладстона. Мы вспомнили, что когда лорды Биконсфильдъ и Сользбери, давая отчетъ о своей работѣ на Берлинскомъ конгрессѣ, сказали въ нижней палатѣ: «Мы вамъ приносимъ миръ съ корыстью», Гладстонъ, тогда вождь оппозиціи, отозвался приблизительно такъ: «Говорятъ намъ о корысти, о милліонахъ. Я нахожу, что честное имя англійскаго народа дороже всѣхъ милліоновъ, потому что англичане пріобрѣли милліоны, а не милліонны—англичанъ». «Балканы для балканскихъ народовъ» воскликнулъ онъ. Мы вспомнили, какъ два года послѣ того либералы получили большинство на выборахъ, и какъ потомъ Гладстонъ, разговаривая съ однимъ австрійскимъ журналистомъ, сказалъ ему слѣдующее: «Я буду съ вами говорить съ открытыми картами въ рукахъ. Мы англичане не можемъ терпѣть вашу разбойничью политику на Балканахъ. Мы не позволимъ Австріи взять больше ни пяди

земли въ этихъ странахъ». Тогда онъ произнесъ историческія слова: «Руки прочь, Австрія!» Съ тѣхъ поръ Гладстонъ сталъ кумиромъ балканскихъ народовъ. Его изреченіе: «Балканы для балканскихъ народовъ» стало основнымъ принципомъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей на Балканахъ. По свѣтлому, чистому, великому имени Гладстона балканскіе народы создавали себѣ понятіе и объ англійскомъ народѣ и уважали его, какъ великій, честный народъ; на этомъ народѣ они основывали большую часть своихъ надеждъ.

И какое страшное разочарованіе! Сэръ Эдуардъ Грей, ученикъ и пріятель Гладстона, какъ будто готовъ на будущей конференціи «констатировать» аннексію Босніи и Герцеговины, другими словами, готовъ признать самовольное и насильственное нарушеніе одного международнаго акта, на которомъ и Англія подписалась!

А что же другія государства?

Италія, официозная Италія, остается въ объятіяхъ Австріи; общественное мнѣніе Германіи и не шевельнулось, а императоръ Вильгельмъ поспѣшилъ объявить urbi et orbi, что поддержитъ своего союзника, императора Франца Іосифа. Франція виляетъ: «да, договоръ нарушенъ, но что же дѣлать»?

Такъ стоитъ наше дѣло передъ просвѣщеннымъ Западомъ. Я понимаю. Если наше дѣло будетъ тамъ проиграно, это случится потому, что на Западѣ всѣ большія національныя группы

получили свою конфигурацію или вполнѣ, или въ такой мѣрѣ, которая обезпечиваетъ ея полное осуществленіе. Теперь тамъ на очереди политика имперіализма, политика захватовъ; теперь въ литературѣ нѣтъ великихъ поэтовъ романтиковъ, которыхъ голосъ звучалъ какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой; поэзія замерла, и некому сказать мощное слово, разбудить совѣсть и чувство справедливости, поднять благородную волну общественнаго негодованія. Опираясь на психологію захватовъ, торгашества и самыхъ грубыхъ интересовъ, царствующихъ нынѣ въ Европѣ и заглушившихъ въ ней всякое высшее чувство, Австрія и совершила грабежъ. Она увѣрена, что настало время, когда грабителей не судятъ.

Такъ стало быть все пропало? Нѣтъ!

Какъ въ первыя минуты своего національнаго объединенія, и какъ во всѣ критическія минуты своей новой государственной жизни, сербскій народъ бросаетъ и теперь взоръ на далекій сѣверъ, гдѣ въ холодномъ, суровомъ климатѣ бьются теплыя сердца, въ которыхъ не заглохло чувство правды и справедливости. «Вспомнимъ, братья», — закончилъ свою рѣчь президентъ сербской Скупщины — «что въ великой славянской Россіи упали преграды, раздѣлявшія царскій престолъ отъ души русскаго народа, отъ души славянской, и что мы можемъ надѣяться, что до этой великой славянской русской души дойдетъ голосъ брата серба». И Скупщина отвѣтила на эти слова друж-

ными криками: «Да здравствуетъ русскій народъ!» Этотъ привѣтъ могъ раздаться только въ Скупщинѣ и только въ такой формѣ, потому что всякій другой, въ первое время, не встрѣтилъ бы отклика въ сербскихъ сердцахъ. Дѣло въ томъ, что въ первые моменты, когда Австрія объявила аннексію, телеграммы изъ Вѣны и Буда-Пешта увѣряли насъ, что все это дѣлается съ согласія Россіи, другими словами, что Россія благословляетъ грабежъ и отдаетъ въ кабалу своихъ братьевъ. Въ нашемъ великомъ несчастьи это было величайшее. Это былъ ножъ въ сердце изъ руки самаго любимаго, самаго дорогого брата. По всему народу пошелъ шепотъ: «Русская дипломатія опять насъ продаетъ». И когда толпа дѣлала самыя восторженныя овацiи передъ посольствами Англіи, Италіи, Франціи, передъ русскимъ посольствомъ не раздалось ни одного голоса. Мимо зданія русской миссіи, тысячи проходили въ гробовомъ молчаніи, съ опущенной головой, чтобы, миновавъ его, опять разразиться криками и пѣть патріотическія пѣсни.

Вы спросите, какъ же это могло случиться, какъ же сербскій народъ могъ и на минутку усомниться въ томъ, что Россія его не выдастъ?

Отвѣтъ на это надо искать въ исторіи и въ недалекомъ прошломъ. Сербскій народъ не знаетъ, что его несчастье заключается въ томъ, что онъ населяетъ западную часть Балканскаго полуострова, какъ разъ ту часть, въ которой стал-

кивались культура Запада и Востока и черезъ которую не вела дорога изъ Россіи въ Константинополь. Онъ не знаетъ, что, живи онъ въ восточной половинѣ, русская дипломатія всѣми силами давно бы работала надъ его національнымъ объединеніемъ и осуществила бы его. Онъ не знаетъ, что еще императрица Екатерина II, намѣреваясь выгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію съ великимъ княземъ Константиномъ во главѣ, что еще она взамѣнъ за это предлагала Австріи Боснію и Сербію. Онъ не знаетъ, что императоръ Павелъ, намѣреваясь сблизиться съ Наполеономъ, держался того же взгляда относительно раздѣла Турціи. «Россія»—читаемъ въ его проектѣ—«возьметъ Романію, Булгарію и Молдавію; Австрія—Боснію, Сербію и Валахію». Онъ не знаетъ, что та же исторія повторялась еще нѣсколько разъ въ теченіе XIX столѣтія; но то, что онъ хорошо помнитъ, это то, что случилось на его глазахъ, это грустные результаты его двухъ послѣднихъ войнъ. Сербія вела войну въ 1876 и 77 году, а Санъ-Стефанскій договоръ, дѣло рукъ одной русской дипломатіи, создавалъ великое болгарское княжество отъ Чернаго до Эгейскаго моря и Албанскихъ горъ, государство, занимающее пространство въ 163.000 □ кл. т. е., равное почти половинѣ европейской Турціи, съ населеніемъ въ 4.000,000 жителей,—а Сербія получала только независимость и новую границу; онъ знаетъ, что гораздо раньше этого договора,

состоялось рейхштадтское свиданіе, на которомъ предрѣшалась судьба сербскаго племени, что 3 (15) января 1877 года была подписана тайная конвенція, по которой Австрія, за сохраненіе нейтралитета, получаетъ Боснію и Герцеговину. Вотъ что знаетъ сербскій народъ, и вотъ что онъ горько помнитъ. Ему стало ясно, что русская дипломатія, стремясь цѣлыми столѣтіями къ Константинополю, къ завѣтной мечтѣ своей, смотрѣла на западную, сербскую часть Балканскаго полуострова, какъ на монету, которой можно расплачиваться съ Австріей за пріобрѣтенія въ восточной части. Вотъ отчего въ Бѣлградѣ повѣрили, что и въ настоящее время, въ Бухловѣ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, не взирая на то, что обстоятельства совершенно измѣнились, могъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, согласиться въ концѣ концовъ на то, чего требовалъ баронъ Эренталь. Вотъ отчего толпа въ Бѣлградѣ, въ тѣ бурные дни, проходила мимо русскаго посольства, опустивъ голову, въ гробовомъ молчаніи. Такъ проходитъ обиженный младшій братъ мимо дома старшаго брата; онъ не скажетъ ему ни одного обиднаго слова, потому что все время любитъ его и любитъ глубоко и искренно; опущенная голова его, сердце, сжимающееся отъ боли, и слезы, выступающія на глазахъ—вотъ весь его протестъ.

Но въ Бѣлградѣ не всѣ повѣрили этому; тамъ есть люди, которые не вѣрили и которые

кивались культура Запада и Востока и черезъ которую не вела дорога изъ Россіи въ Константинополь. Онъ не знаетъ, что, живи онъ въ восточной половинѣ, русская дипломатія всѣми силами давно бы работала надъ его національнымъ объединеніемъ и осуществила бы его. Онъ не знаетъ, что еще императрица Екатерина II, намѣреваясь выгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію съ великимъ княземъ Константиномъ во главѣ, что еще она взамѣнъ за это предлагала Австріи Боснію и Сербію. Онъ не знаетъ, что императоръ Павелъ, намѣреваясь сблизиться съ Наполеономъ, держался того же взгляда относительно раздѣла Турціи. «Россія»—читаемъ въ его проектѣ—«возьметъ Романію, Булгарію и Молдавію; Австрія—Боснію, Сербію и Валахію». Онъ не знаетъ, что та же исторія повторялась еще нѣсколько разъ въ теченіе XIX столѣтія; но то, что онъ хорошо помнитъ, это то, что случилось на его глазахъ, это грустные результаты его двухъ послѣднихъ войнъ. Сербія вела войну въ 1876 и 77 году, а Санъ-Стефанскій договоръ, дѣло рукъ одной русской дипломатіи, создавалъ великое болгарское княжество отъ Чернаго до Эгейскаго моря и Албанскихъ горъ, государство, занимающее пространство въ 163.000 □ кл. т. е., равное почти половинѣ европейской Турціи, съ населеніемъ въ 4.000,000 жителей,—а Сербія получала только независимость и новую границу; онъ знаетъ, что гораздо раньше этого договора,

стало, Боснію и Герцеговину и стать твердой ногой на Балканахъ, Австрія стремится сдѣлать огромную брешь и открыть настежь двери германскому нашествію на Востокъ. Это нашествіе будетъ вестись съ такой силой, что, когда Боснія и Герцеговина будутъ окончательно порабощены, вопросъ о самостоятельномъ существованіи маленькой Сербіи будетъ только вопросомъ времени. Охваченное со всѣхъ сторонъ Австріей и натискомъ германства, маленькое королевство умретъ, а съ нимъ пропадетъ и вся западная часть Балканскаго полуострова. Не думайте, Господа, что тогда устоитъ восточная, болгарская часть, гораздо менѣе культурная, чѣмъ западная. Балканы пропадутъ для славянства, и германскій міръ, безъ всякой опасности, столкнется съ Россіей.

Можно ли допустить, чтобы Балканы погибли? Не нужно ли тотъ барьеръ, который уже созданъ въ восточной части существованіемъ болгарскаго королевства, протянуть и крѣпко поставить и въ западной части, а этого можно достичь только національнымъ объединеніемъ сербскаго племени. «Мы не можемъ допустить, чтобы на югѣ образовалось большое славянское государство», сказалъ австрійскій императоръ русскому при свиданіи въ Рейхштадтѣ. И чтобы помѣшать этому, надо было оккупировать Боснію и Герцеговину, оккупировать Новобазарскій санджакъ, разъединить Сербію отъ Черногоріи и вонзить клинъ

въ самое сердце сербскаго племени. Но это племя должно объединиться въ интересахъ самосохраненія и въ интересахъ охраненія всѣхъ балканскихъ славянъ, потому что оно теперь является передовымъ постомъ, оно теперь стоитъ «у вратъ балканскихъ на часахъ», и чтобы оно могло эти «врата» отстоять, Россія должна помочь его объединенію, а не расчлененію. Если маленькая Сербія, такая, какая она есть, вмѣстѣ съ Черногоріей и съ возстаніемъ въ Босніи и въ Герцеговинѣ можетъ пригвоздить къ себѣ 600.000 австрійскаго войска, объединенное сербское племя можетъ вполнѣ изолировать Австрію изъ тройственнаго союза, и Россія будетъ имѣть передъ собою одну Германію. Вотъ реальный интересъ Россіи, какъ государства, помочь всѣми силами Сербіи и Черногоріи, какъ представительницамъ сербскаго племени и центрамъ національнаго объединенія. Русская дипломатія должна прійти къ сознанію, что Константинополь, для будущаго, надо отстаивать въ горахъ Босніи и Герцеговины, а не въ проливахъ, и что Австріи съ юга можетъ связать руки только объединенное сербское племя и никто больше.

Такъ стоитъ этотъ вопросъ, если взглянуть на него съ русской государственной точки зрѣнія. Спросимъ теперь, какъ долженъ отнестись къ нему русскій народъ, т.-е. русское общественное мнѣніе и представитель народа — Русская Государственная Дума? Можетъ ли русскій

народъ примириться съ захватомъ Босніи и Герцеговины и дать свое согласіе на него? Неужели онъ, который когда-то испыталъ на себѣ, что значитъ чужое иго, что значитъ политическое и гражданское безправіе, неужели онъ согласится отдать своихъ братьевъ подъ австрійское иго, подъ режимъ жандармовъ и полиціи?

Я часто задавалъ себѣ вопросъ: отчего мы, славяне, такъ долго были рабами, отчего могла возникнуть даже такая нелѣпая мысль, какъ австрійскій панславизмъ, и я пришелъ къ убѣжденію, что это случилось потому, что «прекрасная заря просвѣщенной свободы», о которой такъ страстно мечталъ великій Пушкинъ, такъ долго не могла взойти надъ великой русской землей. При видѣ всего того, что въ былое время происходило дома, у себя, русскій поэтъ нарисовалъ дивную, но и страшную картину.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

—

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

—

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Эта картина Спасителя, который ходитъ по русской землѣ, благословляя ее на муки и страданья, это что-то безнадежно-ужасное; но она еще болѣе ужасна потому, что Спаситель отсюда, изъ Россіи, благословлялъ и насъ всѣхъ славянъ на муки и терпѣніе.

Но преграды, раздѣляющія царя отъ народа упали; вы сказали: «Мы граждане! Мы свободные сыны великой свободной страны!»; вы получили возможность говорить, и одна эта возможность обратила опять взоры всѣхъ славянъ на васъ; вы стали опять центромъ славянства. И неужели теперь, когда вашъ голосъ можетъ первый разъ свободно раздаться въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ славянскихъ вопросовъ, въ вопросѣ: быть или не быть балканскому славянству, вы можете сказать что либо другое кромѣ словъ: «Мы хотимъ для своихъ братьевъ того же, чего мы долгіе годы кровью сердца своего желали для себя, мы хотимъ для нихъ свободы, а не оковъ». Предсѣдатель Государственной Думы уже воскликнулъ: «Аннексія Босніи и Герцеговины есть грабежъ, и мы этого грабежа не признаемъ».

И вотъ, непризнаніе этого грабежа, это единственное, чего мы отъ васъ просимъ. Не думайте, что мы хотимъ втянуть Россію въ войну. Мы отлично знаемъ, что у васъ свой домъ еще не устроенъ, что вопросы огромной государственной важности стоятъ на очереди и ждутъ своего разрѣшенія. Мы отъ васъ просимъ одной поддержки:

поддержки нравственной. Если Россія не признаетъ аннексіи, сербскій народъ успокоится. Мы скажемъ себѣ: въ нашемъ домѣ сидитъ грабитель. Выгнать его вонъ въ настоящую минуту мы не можемъ, но мы будемъ собираться съ силами; мы будемъ вооружаться; мы будемъ искать связи съ Болгаріей. Вѣдь теперь это вполнѣ возможно: когда вся наша національная энергія будетъ обращена на Боснію и Герцеговину, мы оставимъ болгарамъ попеченіе о Македоніи, и они, если у нихъ есть государственный умъ, должны насъ поддержать. Остановить нашествіе Австріи— это въ интересахъ Турціи, и она намъ тоже поможетъ. Итакъ, мы будемъ приготовляться и станемъ какъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ, и когда надъ монархіей Габсбурговъ небо затянется тучами, мы предъявимъ свой искъ, и онъ будетъ сполна уплаченъ. Имѣть рядомъ съ собой народъ, который можетъ выставить полъ-милліона борцовъ, это перспектива, которая въ критическій моментъ заставитъ пойти на сдѣлку не только Австрію, но и государство, гораздо сильнѣе ея.

Если же Россія скажетъ: «да, я признаю аннексію», это намъ отыметъ крылья, а для бѣдной Босніи и Герцеговины это будетъ роковой ударъ. Тридцать лѣтъ терпѣлъ тамъ народъ страшныя муки, въ надеждѣ, что въ одинъ прекрасный день Австрія уйдетъ оттуда, и оставитъ его быть самимъ собою, и раньше, чѣмъ пойти въ вѣчную

кабалу, онъ рѣшится на послѣдній, самый отчаянный шагъ. Вспыхнетъ возстаніе. Князю Николаю не удержать черногорцевъ; надъ Черногоріей заблеститъ молнія, гроза разразится, пламя захватитъ Боснію и Герцеговину и найдетъ въ ней самую обильную пищу. Можетъ-ли королевство Сербія оставаться спокойной зрительницей? Человѣкъ, видя тонущаго, даже незнакомаго, бросается въ воду, чтобы спасти его, а какъ же намъ не спасать родныхъ братьевъ?! Сербія должна будетъ начать войну, хотя она въ настоящее время и не готова къ ней, хотя война застанетъ ее въ моментъ перевооруженія. Столица Сербіи, Бѣлградъ, которая лежитъ на границѣ и которую отъ Австро-Венгріи раздѣляетъ только устье Савы, будетъ отдана непріятелю. Наша армія будетъ отступать въ глубь страны, пока не доберется до первыхъ выгодныхъ позицій, а тамъ— начнется борьба на жизнь и на смерть. Сербія запылаетъ какъ большой костеръ, который потухнетъ послѣ семи-восьми мѣсяцевъ самаго интенсивнаго горѣнія. Когда война кончится, страна останется въ развалинахъ, да въ придачу на нее ляжетъ контрибуція въ нѣсколько сотъ милліоновъ. На двадцать лѣтъ вся жизнь страны будетъ парализована; королевство будетъ раздавлено, но зато оно исполнитъ долгъ по отношенію къ своимъ братьямъ.

Вы знаете, какъ тамъ разсуждаютъ?

Вотъ что пишетъ одна газета:

«Сербія потеряетъ только форму государства, отъ которой, послѣ аннексіи, никакой пользы больше не будетъ. Сербія не существуетъ, какъ государство, только для того, чтобы имѣть короля, а для того, что у нея есть свои національныя задачи. Когда всѣ идеалы ея разрушатся и когда осуществленіе ея задачъ станетъ дѣломъ невозможнымъ, пускай и сербы изъ королевства раздѣлятъ судьбу милліоновъ своихъ братьевъ, которымъ не свѣтитъ солнце свободы. Пускай падутъ славно, какъ на Косовомъ полѣ, и опять когда-нибудь всѣ подымутся, потому что кровью всего лучше орошается дерево свободы. Лучше пасть славно, съ оружіемъ, чѣмъ чтобы и насъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такъ, какъ теперь Боснію и Герцеговину, однимъ указомъ присоединили къ Австріи».

Вотъ, Господа, къ чему поведетъ признаніе аннексіи со стороны Россіи. Но послѣдствія его могутъ быть и другія. Когда сербское племя будетъ истекать кровью въ непосильной борьбѣ, когда пядь за пядью сербской земли, за которую русскіе проливали кровь вмѣстѣ съ нами, будетъ переходить въ руки нашихъ враговъ, можете ли вы ручаться, что останетесь нѣмыми свидѣтелями всего этого? Не возьметъ ли братское чувство верхъ надъ разумомъ и не превратится ли война сербскаго племени съ Австріей въ войну Россіи съ Австріей и въ европейскую войну? Вотъ какому испытанію подвергаетъ себя Россія, если

аннексія будетъ признана, и сербское племя, доведенное до отчаянія, начнетъ послѣднюю борьбу за свои національныя и человѣческія права.

Намъ скажутъ: зачѣмъ такъ отчаиваться? Вѣдь Боснія и Герцеговина войдутъ въ составъ имперіи, въ которой уже такъ много славянъ. Вѣдь австрійскіе славяне за аннексію!

Да—отвѣтимъ мы—но они еще слѣпы. Ихъ политика — это политика рабовъ, которые думаютъ, что чѣмъ больше ихъ, тѣмъ скорѣе удастся имъ свергнуть ненавистное иго. Ихъ настроеніе объясняется психикой людей, которые долгое время сидятъ и томятся въ тюрьмѣ, и которые въ первую минуту очень рады, когда открываются двери и въ нее сажаютъ нѣсколько новыхъ заключенныхъ. Эти новые освѣжаютъ немножко атмосферу, ихъ отпорная сила еще слишкомъ жива. Но проходятъ дни за днями, и послѣ нѣкотораго времени всѣ вмѣстѣ носятъ оковы, всѣхъ ихъ покрываетъ безпросвѣтная тьма.

Такова и психологія австрійскихъ славянъ.

Пока русская политика плавала въ нѣмецкомъ фарватерѣ, они старались пріютиться въ Австріи, въ надеждѣ, что когда-нибудь возьмутъ перевѣсъ надъ нѣмцами. Но этого не случится, потому что Германія не допуститъ до этого. «Я прежде всего нѣмецъ и католикъ, а потомъ австрійскій императоръ», можетъ про себя сказать Францъ Іосифъ. Австрія не собираетъ славянъ для того, чтобы имъ дать возможность свободно

жить и развиваться; она ихъ собираетъ только какъ матеріалъ для германизаціи. Германіи нужна Австрія нѣмецкая, какъ мостъ для натиска на востокъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли вообразить себѣ, что она допуститъ, чтобы валъ, мѣшающій ея движенію, былъ перенесенъ изъ Босніи и Герцеговины далеко на сѣверъ, за горы Богеміи?

— Да! но вѣдь Австрія, оставляя Новобазарскій санджакъ, этимъ самымъ останавливаетъ свое движеніе на востокъ; а что она больше туда не пойдетъ, это державы могутъ вамъ гарантировать—говорятъ намъ.

На это мы отвѣчаемъ:

— Не вѣрьте этому! Если Австрія потянулась изъ санджака, это только временно, для отвода глазъ. Какъ хищный звѣрь, который дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы прыгнуть гораздо дальше, чѣмъ былъ, такъ и Австрія нежданно-негаданно очутится далеко за санджакомъ, по направленію къ Салоникамъ. Что касается гарантіи державъ, то это — новый международный актъ, а какъ Австрія уважаетъ международные договоры, это показываетъ захватъ Босніи и Герцеговины.

— А венгерское историческое право?—скажутъ намъ.

На это можно отвѣтить:

— Мало ли какія части одного государства отдѣлялись отъ него и, въ теченіе извѣстнаго

времени, принадлежали разнымъ завоевателямъ. Кромѣ этого, примѣненіе историческаго права допустимо только въ такомъ случаѣ, если страна, къ которой желаютъ примѣнить его, согласна на это. Между тѣмъ, Австро-Венгрія держится въ Босніи и въ Герцеговинѣ только насиліемъ. Въ началѣ 1882 года, оккупаціонное правительство, своими поступками вызвало тамъ народное возстаніе, подавленное, правда, кровавыми мѣрами, но въ удобный моментъ готовое опять вспыхнуть съ удвоенной силой. Мы признаемъ только одно право—право національное. По этому праву, Боснія и Герцеговина *сербскія* земли. Такими онѣ являются еще въ VII-мъ столѣтіи, когда разныя сербскія племена стали въ нихъ поселяться. Въ началѣ IX-го столѣтія, при возникновеніи первыхъ сербскихъ государствъ, Боснія и Герцеговина были составными ихъ частями. Въ историческихъ памятникахъ IX-го и X-го вѣковъ онѣ упоминаются какъ *сербскія* области. Позже Боснія отдѣлилась отъ остальныхъ частей сербскаго государства и стала жить самостоятельной жизнью, но и тогда она была *сербскимъ* государствомъ, какъ свидѣтельствуютъ историческія данныя XIV-го и XV-го вѣковъ. Когда въ XV-мъ вѣкѣ турки завоевали Боснію и Герцеговину, они считали, что завоевали *сербскія* земли, и что покорили въ нихъ *сербскій* народъ. Во время возобновленія сербскаго патріаршества, въ серединѣ XVI-го вѣка, составными частями его яв-

ляются Боснія и Герцеговина (это особенно важно потому, что турки провели границы патріаршества сообразно этнографическимъ границамъ сербскаго народа). Въ XVII-мъ вѣкѣ даже австрійскіе императоры называли народъ Босніи и Герцеговины—*сербскимъ* народомъ, а въ XVIII-мъ и особенно въ XIX-мъ вѣкахъ, сербское національное самосознаніе, несмотря на всѣ препятствія, охватило почти все населеніе этихъ областей.

Какъ Боснія и Герцеговина представляютъ этническую часть сербскаго народа, точно такъ же и ихъ языкъ представляетъ составную часть сербскаго языка. Боснія—это та часть сербской земли, въ которой написанъ первый памятникъ на чистомъ сербскомъ народномъ языкѣ (грамота Кулина бана), а Герцеговина—сербская область, языкъ которой, благодаря реформѣ отца новой сербской литературы, Вука Караджича, сталъ литературнымъ языкомъ всего сербскаго народа. Точно такъ же и лучшія сербскія народныя пѣсни сложены на говорѣ Босніи и Герцеговины,—пѣсни, сдѣлавшія повсюду извѣстнымъ сербское имя и прославившія его. Два основныхъ сербскихъ говора скрещиваются именно въ Босніи и Герцеговинѣ, такъ что въ современныхъ діалектахъ этихъ странъ имѣются основныя черты всего сербскаго языка.

— Но вѣдь Австрія дастъ этой странѣ права, дастъ ей автономію—скажутъ намъ.

— Эхъ, Господа! Мы отлично знаемъ, какъ

Австрія вообще даетъ права народамъ, а въ особенности сербскому народу. Гдѣ же, спросимъ мы, права чешскаго королевства? Гдѣ же права Хорватіи и Славоніи? Когда только мадьярамъ и Австріи заблагоразсудится, тамъ народъ лишается рѣшительно всѣхъ правъ и полицейское правленіе водворяется во всей странѣ. Гдѣ же права тѣхъ сербовъ, которые въ XVII столѣтіи, спасаясь отъ тяжелаго турецкаго ига, переселились въ Австро-Венгрію? Всѣ привилегіи, которыя имъ даны, фактически сведены къ нулю. Въ 1848/9 году австрійскіе сербы возстали, какъ одинъ человѣкъ, и боролись за императора, защищая престолъ Габсбурговъ отъ мадьяръ. Въ благодарность за это, Австрія создала Сербское воеводство изъ земель, населенныхъ австрійскими сербами. Сколько, думаете, просуществовало это воеводство?—Около десяти лѣтъ, а потомъ тотъ же императоръ отдалъ тѣхъ же вѣрныхъ сербовъ на съѣденіе мадьярамъ, отъ которыхъ они его защищали.

Да нужно ли, Господа, вамъ, русскимъ, говорять, что такое Австрія?! Вѣдь въ томъ же 1849 году императоръ Николай I спасъ престолъ императора Франца Іосифа, а *какъ* Австрія отблагодарила за это Россію во время Крымской кампаніи? А когда Николай I умеръ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, послала эрцгерцога пролить слезу надъ его мертвымъ тѣломъ. Даже мягкая душа Тютчева возмутилась этимъ, и онъ

написалъ извѣстное стихотвореніе: «На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога къ похоронамъ императора Николая».

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безстыдству тоже мѣра есть...
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенесть!

—

И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:
„Прочь, прочь, австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!

—

„Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
И весь „апостольскій“ ихъ родъ
Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
Искаріотъ, Искаріотъ!“

И если образованнѣйшій человѣкъ, какимъ былъ Тютчевъ, могъ возмутиться и написать подобное стихотвореніе, какъ не возмутиться сербскимъ массамъ при видѣ того, что хочетъ сдѣлать Австрія? Какъ не прійти народу въ отчаяніе при одной мысли, что двѣ братскія страны, съ согласія Европы, будутъ навсегда закабалены, что ихъ могутъ присоединить даже къ Венгріи, гдѣ права писаны только для мадьяръ, а для другихъ народностей нѣтъ никакихъ правъ, гдѣ два милліона словаковъ, долгое и долгое время не имѣли ни одного національнаго посланника въ парламентѣ!

Вотъ причина того отчаяннаго настроенія, въ которомъ въ настоящее время находится серб-

ское племя и которое можетъ привести къ катастрофѣ. Предупредить ее можетъ одна Россія. Весь сербскій народъ ждетъ, что она скажетъ. Если она скажетъ: «я не признаю аннексіи», народъ успокоится и будетъ, не покладая рукъ, изо всѣхъ силъ работать и ждать дня расплаты. Непризнаніе аннексіи со стороны Россіи будетъ для него величайшей нравственной поддержкой, которой онъ вполнѣ достоинъ и которую онъ заслужилъ своей горячей привязанностью и любовью къ русскому народу. Еще митрополитъ Стратимировичъ писалъ, что нѣтъ народа, который бы русскихъ любилъ такъ искренно, какъ сербскій народъ—и это правда. Ваше горе было всегда и нашимъ горемъ, ваша радость была и нашей радостью. Вѣковыя связи вѣры и культуры укрѣпили эту любовь настолько, что ничто, никакіе удары со стороны русской дипломатіи не въ состояніи были ее разрушить. Во время русско-японской войны оккупаціонное правительство расклеивало по Босніи и Герцеговинѣ телеграммы съ поля сраженія о томъ, что русскіе отступаютъ, что русскіе побиты, что Россія пропадетъ, и съ каждымъ новымъ извѣстіемъ народъ все больше опускалъ голову. Но Портъ-Артуръ держался, показывая чудеса храбрости, и народъ гордился и не падалъ духомъ. Когда же австрійцы съ радостью объявили ему, что Портъ-Артуръ сдался, народъ не повѣрилъ,—сотни телеграммъ

были посланы изъ Босніи въ Бѣлградъ съ вопросомъ: правда ли это? И когда народъ узналъ, что это грустная правда, онъ отпраздновалъ праздники такъ, какъ празднуетъ семья, у которой въ домѣ покойникъ. Въ королевствѣ и вездѣ, гдѣ живутъ Сербы, происходило то же самое. Моя мать, семидесяти-лѣтняя старушка, выплакала свои старые глаза. «Сынъ мой», — говорила она мнѣ — «рухнуло что-то великое; пошатнулась мощь Россіи, поколебалась ось нашихъ надеждъ на будущее. Мы осиротѣли»! И долго и неутѣшно рыдала старушка и слезы глубокаго горя катились по блѣднымъ щекамъ ея.

И такъ было всегда. Когда предпринимали что-нибудь важное, наши отцы и дѣды старались всегда согласовать свои дѣйствія съ желаніемъ Россіи, и не предпринимали ничего, что бы могло повредить ей. Когда въ 1870-мъ году Австрія предлагала Сербіи заключить договоръ, въ силу котораго гарантировала ей Боснію, Герцеговину, Старую Сербію и провозглашеніе независимости, только бы заручиться ея нейтралитетомъ на случай войны, Іованъ Ристичъ, тогдашній намѣстникъ княжеской власти, отвергъ это предложеніе. «Что-же» — объясняетъ онъ этотъ фактъ въ своихъ мемуарахъ — «если государство, съ которымъ Австрія намѣрена воевать, окажется Россія? Австрія на нее и мѣтитъ. Возможенъ ли нашъ нейтралитетъ въ такомъ случаѣ? Не при-

демъ ли мы тогда въ столкновеніе съ чувствами всего славянства и съ чувствами нашего собственнаго народа»?

Вотъ какъ объ интересахъ Россіи заботилась Сербія даже тогда, когда была очевидная выгода вступить въ союзъ съ Австріей. Только такая политика была въ Сербіи прочна, и только такую одобрялъ народъ. Одной изъ главныхъ причинъ погибели короля Милана было антинаціональное направленіе политики его, на которое толкнулъ его Берлинскій конгрессъ.

И вотъ этотъ народъ предстаетъ теперь передъ Россіей, передъ этой обновленной Россіей, и говоритъ просто и чистосердечно: «Братья, не выдавайте меня! Не давайте согласія на мое порабощеніе? Если другіе хотятъ отдать меня, я буду умирать съ оружіемъ въ рукахъ и съ сладкимъ сознаніемъ, что на далекомъ сѣверѣ милліоны сердецъ обливаются кровью надъ моей погибелью, горюютъ, что нѣтъ у нихъ силъ помочь мнѣ, и смерть будетъ мнѣ легка, и я благословлю эти слезы, какъ залогъ моего будущаго воскресенія».

Я увѣренъ, что этотъ голосъ найдетъ откликъ въ вашихъ сердцахъ, что великая русская душа отзовется на него. То, что русскій народъ внесъ въ міровую сокровищницу дѣйствительно цѣннаго, это его великая литература. Она вся—горячая любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ, пламенное желаніе свободы и протестъ противъ

насилія и тираніи. Это характеристика и русской души, которая въ ней выразилась. И неужели эта великая душа насъ выдастъ? Неужели она поможетъ, чтобы на свѣтѣ стало больше рабовъ, а меньше людей свободныхъ? Если Россія согласится на аннексію, знаете, что скажутъ австрійцы народу въ Босніи и Герцеговинѣ: «Россія васъ продала». Не забывайте, что этому бѣдному народу 30 лѣтъ ужъ повторяютъ: все то, что Австрія тамъ дѣлаетъ, все это происходитъ съ согласія Россіи.

* * *

Господа!

Тамъ далеко, на высокой горѣ, стоитъ свѣтлый храмъ богини свободы. Дорога къ нему ведетъ по рытвинамъ, по острымъ камнямъ, черезъ овраги и пропасти, и народы терпятъ самыя горькія испытанія, чтобы только дойти до этого храма. Разрывая по пути оковы, они стремятся къ нему, одни съ пѣснями, другіе со скрежетомъ зубовъ и съ проклятіями; а всетаки идутъ, вѣками шли и вѣками будутъ идти, и народъ, который никогда не доходилъ туда, погибалъ безвозвратно. Шествіе къ этому храму— это Голгоѳа народовъ. Русскій народъ, въ стремленіи своемъ дойти до него, проторилъ широкую дорогу, и усѣялъ ее костями сыновъ своихъ; сербскій народъ провелъ кровавый путь отъ Косова до нашихъ дней. Вы почти у цѣли, а за вами

идетъ вашъ младшій братъ; онъ изнемогаетъ; онъ проситъ отъ васъ не руки помощи, а только слова ободренія, чтобы не упасть подъ тяжелымъ крестомъ мукъ и испытаній. Онъ вамъ говоритъ: «я былъ разъ въ этомъ свѣтломъ храмѣ и, когда пользовался благами свободы, я былъ достойнымъ другомъ просвѣщенныхъ народовъ. На Адріатическомъ морѣ, въ прекрасной сербской Далмаціи, я зажегъ маякъ, великую литературу въ Дубровникѣ, которая свѣтила тогда, когда вы, мои русскіе братья, пребывали въ глубокой темнотѣ. Всю свою страну я сдѣлалъ центромъ культуры и просвѣщенія, и то просвѣщеніе, которымъ вы пользовались въ старину, шло къ вамъ и черезъ меня и благодаря мнѣ. Огромный запасъ нравственной силы я вынесъ изъ этого храма, и, когда оковы опять меня опутали, я долгіе годы давалъ вамъ учителей и помощниковъ вашего культурнаго возрожденія. Ободрите меня добрымъ словомъ, какъ братья, чтобы мнѣ не упасть на полъ дорогѣ, чтобы мнѣ опять войти въ этотъ свѣтлый храмъ богини свободы».

Неужели вы оттолкнете его?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Если бы вы это сдѣлали, вы бы не были русскими; мученическія тѣни великаго прошлаго вашего укоризненно смотрѣли бы на васъ.

BR 4004

DR 1731 .K67 1908 C.1
Serbskii narod i anneksiia Bos
Stanford University Libraries
3 6105 034 093 729

DATE DUE

JAN 2 0 1994			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004